

Игорь Руденко

**Заниски
Бесхозного
Коммерсанта**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Руденко

Записки бесхозного коммерсанта

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Руденко И. В.

Записки бесхозного коммерсанта / И. В. Руденко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

«Записки бесхозного коммерсанта» – ироническая повесть, герой которой из застойного советского болота попадает в бурное море девяностых. На собственной шкуре ему доводится испытать все «прелести» того лихого времени, стать не только свидетелем, но и непосредственным участником перехода страны от развитого социализма к дикому капитализму. Вместе с системой меняется и сам герой, из студента-отличника превращаясь в бесхозного коммерсанта – романтика товарно-денежных отношений, которому чувство юмора и философский взгляд на мир помогают выжить в этой кутерьме. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Перегрузка	5
Мой друг дипломник	6
Леся	8
Излом	9
Телекомпания	10
Дикая коммерция	11
Олег и Рыжий	12
Сказочный армянский коньяк	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1. Перезагрузка

Странная все-таки штука жизнь, и течет она, замысловато петляя, как речка между холмов: медленное течение сменяется стремниной, русло поворачивает неожиданно и резко, а высокие пороги грозят опасностью неподготовленному туристу. Таким «туристом» по жизни был и я.

В застойном советском болоте течения почти не наблюдалось, а если и текло какое-никакое, то можно было легко предугадать, куда оно тебя вынесет через годы и десятилетия. Школа, институт, завод... После сорока лет работы инженером на сотню рублей – болячки, пенсия и в качестве награды за терпение – посмертный пропуск в светлый коммунистический рай, где не апостол Петр, а пролетарские вожди встречают у ворот.

«Если бы я знал, что у меня в перспективах *обычная человеческая жизнь*, я бы давно отравился или повесился». Слова Венедикта Ерофеева о советской жизни ко мне отношения уже не имеют. К счастью ли? Не знаю. Но от скуки и обыденности сейчас точно никто не вешается. Слишком много за последние годы произошло событий, сделавших нашу жизнь *необычной* и даже *нечеловеческой*.

Мой друг дипломник

Начну свой рассказ издалека, с тех времен, когда слово «коммерция» было еще ругательным и за занятие ею давали пятнадцать лет.

Мои родители не были ни диссидентами, ни прихлебателями у властного корыта, поэтому общественно-политическая жизнь в нашей семье ограничивалась «политическими» анекдотами на кухне. Родители всё понимали, но продолжали нести свою вахту на строительстве коммунизма, в коротких промежутках между работой и сном ухитряясь кое-как воспитывать детей.

Первый серьезный урок, изменивший взгляд на мир, я получил не дома и не в школе, а будучи студентом Харьковского авиационного института. После первого курса отдыхал я летом в студенческом лагере ХАИ в Крыму. Жили мы весело и по-советски сплоченно, в трехместной комнате шестером. Кто-то даже на балконе спал, ну а чего – лето же! Сдружился я тогда с одним дипломником на почве нашего общего увлечения музыкой. Была у меня с собой магнитола и записи любимой группы Queen. Именно с их зажигательной песни Don't Stop Me Now, а не с советского гимна, начиналось у нас каждое утро.

Андрей, мой друг дипломник, водил меня на разные музыкально-поэтические вечера, посвященные то Высоцкому с Окуджавой, то джазу с роком, как нашему, так и западному. Подбор поэтов и музыкантов, обсуждаемых на этих встречах, явно шел вразрез с линией партии, недвусмысленно предупреждавшей: «Сегодня ты играешь джаз, а завтра родину продашь!» и «Тех, кто слушает Pink Floyd, гнать поганой метлой!». Pink Floyd мы с Андреем уважали, а партию большевиков – не очень, поэтому кроме полулегальных вечеров в клубе посещали и вовсе нелегальные ночные посиделки у костра. Собирались там люди серьезные, с устоявшимися взглядами на наш совок и врагов, вечно нас окружающих – аспиранты и доценты, представители авангардного искусства и прочего литературно-музыкального андеграунда.

Поднявшись в гору к диссидентскому костру, Андрей сообщил, что я «свой», и мы погрузились в чуждый советскому человеку мир западных культурных ценностей и провокационных социально-экономических вопросов: «Почему это наш, свободный труженик, получает на порядок меньше, чем их, нещадно эксплуатируемый? Отчего мы, победители, живем гораздо хуже побежденных? Кто виноват во всем, и что нам с этим делать?». Вопросы для участников собрания были риторическими, но ответы на них, публичные и смелые, я тогда услышал впервые. Не скажу, что был слишком удивлен: те же вопросы и ответы давно зрели у меня в голове. Шел 1983-й год, у власти после смерти «дорогого» Леонида Ильича стоял чекист Юрий Андропов.

Ночью песни под гитару, днем арт-рок из магнитолы и в качестве культурного досуга – поездка с Андреем и еще двумя дипломницами, актрисами студенческого театра, на пару дней в Гурзуф. Актрисы – одна брюнетка, другая и вовсе рыжая – девушки раскованные, веселые и в высшей степени одухотворенные. Всю дорогу на катере они читали стихи, спорили о театре и ругали своего бывшего художественного руководителя, нахваливая при этом нового. И все бы ничего, но глядя на их лица с обаятельными, но далеко не идеальными чертами, мне почему-то думалось, что не Офелия была их главным амплуа в театре, а Пеппи Длинныйчулок.

По прибытии в Гурзуф разбили палатку где-то в глубине поселка и бросились на пляж. Купались, загорали, болтали о высоком под песни Freddie Mercury и легкий шелест волн. Поддавшись романтическому настроению, не сразу заметили, как опустился вечер, и нам пришлось прощаться с опустевшим пляжем и морем, над которым серебрилась лунная дорожка.

Пройдя через сверкающий огнями центр поселка, добрались до своей палатки и обнаружили ее... совсем пустой! Все лишние, по мнению воришек, вещи были аккуратно извлечены из нее и унесены в неизвестном направлении.

– Унесенные ветром, – защебетали девушки, все вещи которых были надеты на них.

– Видимо, пионеры, дети рабочих, – заключил я и покорился злой судьбе.

Один лишь Андрей продолжал сокрушаться пропаже – нет, не своей дорожной сумки или бумажника, а записной книжки, где, судя по его расстроенному лицу, были телефоны всех членов Политбюро и Бориса Гребенщикова в придачу.

Сейчас, по прошествии многих лет, я изредка встречаюсь с Андреем, который после авиационного института стал... дизайнером. Встречи наши происходят спонтанно и чаще всего на рок-концертах – того же БГ, например. А актрисы... Пожалуй, одна из них могла бы стать моей судьбой, но, видимо, судьба распорядилась всем значительно мудрее.

Леся

После второго курса я несколько расширил географию своих поездок. Летом посетил не только Крым, но и Кавказ, где под Туапсе стоял студенческий лагерь Харьковского института радиоэлектроники. Отдыхавшие там друзья радушно меня встретили, поселили у себя в домике и даже отыскивали свободное место в столовой со всем полагающимся студенту рационом. Как потом выяснилось, именно *на этом месте* сидела моя будущая супруга Леся, уехавшая из лагеря за день до моего прибытия.

Пользуясь тем, что жены *на месте* нет (позже я частенько этим пользовался), я мог гулять ночами с кем угодно, хоть с Птенчиком – миниатюрной девушкой, порхавшей с ветки на ветку, от мальчика к мальчику. Гуляли мы с ней как-то под луной и распевали во всё горло *маленькие ночные серенады* «Аквариума». Кавказцы, привыкшие к традиционному многоголосию, сдвигали на затылок свои аэродромы и с удивлением вслушивались в необычные звуки, разрывающие ночь. Я думаю, Черноморское побережье до сих пор с дрожью вспоминает Корнелия Шнапса, Старика Козлодоева и других героев песен раннего Гребенщикова, которые мы исполняли а капелла, не щадя ни своего голоса, ни музыкального слуха аборигенов.

А с Лесей я впервые встретился спустя полгода на вечеринке у моего школьного друга Игоря. В тот вечер всё в его квартире дышало романтикой: и мягкий приглушенный свет, и старенький «Маяк», крутивший медляки, и несколько бутылок портвейна. Бутылки сами по себе, конечно, не дышали, но если их открыть и пригубить грамм по пятьсот, то поначалу в голове, потом, спускаясь ниже, по телу разливалось вещество, бесспорно, романтического свойства, что возбуждало страстное желание общаться, веселиться и любить!

Вообще-то студентам, чтобы встретиться и выпить, не нужен повод, но тогда достаточно серьезный повод был: вечеринка посвящалась подготовке к Новому году. Решали, где отметить главный зимний праздник, да так чтоб не стесняться в выборе напитков, мощности колонок и обязательно с наличием каких-то спальных мест. Выбор пал на четырехкомнатную квартиру другого моего школьного друга. Стали считать приглашенных, и когда пальцы на руках закончились, Игорь подытожил:

– Ну достаточно! а то все не поместимся. Кто, к примеру, этот Валик? Может, мы его вычеркнем?

– Вычеркнуть, конечно, можно, – ответил я, – но как-то неудобно, он все-таки хозяин квартиры.

Кстати, Лесю на ту вечеринку Игорь привел как свою девушку, даже на такси привез – невиданная для студента расточительность! Сама она, как позже рассказывала, ехать с ним вначале не хотела, но потом согласилась, послушав совета маминой подруги: «Езжай! Он же не один там будет, встретишь кого-нибудь». Так и получилось. Как только Леся вошла в квартиру, мы оба сразу поняли, что никакая она не девушка моего друга, она – только моя, а я – ее, и так уж тридцать лет. А друг без девушки в тот вечер не остался, на этот случай у Леси имелась подруга.

Но вот что удивительно: вначале – одно и то же место в студенческой столовой, затем, *в холодный зимний вечер – встреча*, которая *бывает в жизни только раз*, а некоторое время спустя произошел и вовсе фантастический случай. Решили мы как-то с Лесей сходить на концерт во Дворец спорта. Билетов на руках у нас не было, но была надежда раздобыть их перед входом. И действительно, у двух разных людей с разницей в несколько минут мы купили два билета, которые оказались... рядом. В огромном Дворце спорта на двух соседних местах! Похоже, в этот раз судьба не промахнулась.

Излом

Шло время. Мор, постигший кремлевских динозавров в начале восьмидесятых, благополучно закончился – динозавры вымерли и в стране была объявлена перестройка. С ее началом что-то вдруг сломалось в отлаженной машине родного пролетарского государства: «ЧП районного масштаба» Полякова, «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, «Огонек» Коротича и Сахаров, вернувшийся из ссылки, не вписывались в «стройную систему, сотканную из пылких и блестящих натяжек». Совок, десятилетиями господствовавший на одной шестой части суши, постепенно уходил в историю. Уход этот, к сожалению, затянулся на долгие годы, и даже сейчас находятся люди, ностальгирующие по прошлому, считающие Сталина великим вождем, а «гнилую» интеллигенцию – предателем интересов народа. Хотя если вспомнить, что интеллигенция действительно сгнила в советских лагерях, а жизнеспособное потомство оставили лишь вертухаи, становится понятным, о каком народе речь.

Наступил 1988-й год. На собрании комсомольского актива крупного оборонного завода меня, как подающего надежды молодого специалиста, спросили, что я обо всем этом думаю. Без колебаний я ответил, что комсомол почил в бозе и реанимации уже не подлежит – и меня тут же избрали секретарем комсомольской организации. Ну как избрали... они себе избрали – я их послал, и больше к этому вопросу мы не возвращались. После собрания меня, подобно декабристам, сослали на несколько месяцев в колхоз сторожить коровник – «великий» коммунистический долгострой местного значения. Не БАМ, конечно, но и сторожить – не мешки ворочать. Сунул в рюкзак термос, спальник, «Чевенгур» Платонова и отправился одним глазом следить, чтоб не спиздили чего с советской стройки, а другим – читать «антисоветчину», которую в то время только-только начинали публиковать наши журналы.

Помню, как моя девяностолетняя бабка, встречая меня на пороге с «Огоньком» в руках, вполголоса спросила:

– Неужто правда всё, что пишут тут про Ленина?

– Правда, бабушка, правда.

– Понятно... – спокойно приняла она. Больше подобных вопросов бабка не задавала, хотя вся ее долгая и нелегкая жизнь прошла «под знаменем марксизма-ленинизма». Была она заслуженной учительницей и почти полвека растолковывала детям коммунистические идеи, не забывая при этом втихаря отмечать и церковные праздники.

Вообще, в начале девяностых у обитателей совка случился жуткий когнитивный диссонанс. Всё в жизни переворачивалось с головы на ноги, и многие пытались на эти ноги встать. Другим же было привычнее разругивать вопросы, сидя на корточках. Наступали лихие девяностые. О том, что они «лихие», мы узнали потом, а пока это была пусть новая и незнакомая, но все же жизнь. Жизнь, в которой надо было как-то определяться.

Окончив школу с золотой медалью и институт с красным дипломом, я время от времени получал заманчивые предложения по поводу дальнейшего трудоустройства. Врать и воровать мне категорически не хотелось, поэтому комсомольскую и профсоюзную карьеру я отверг по идейно-нравственным соображениям. Свои надежды возлагал на аспирантуру, где в течение трех лет усердно занимался поиском красивого аналитического решения сложной задачи нелинейного программирования. Но судьба распорядилась по-иному, и отнюдь не системы интегральных уравнений стали препятствием на моем пути к вершинам науки.

Телекомпания

В конце 1990 года в Харькове на 7-м канале начала вещание первая в стране частная телекомпания «Тонис-Центр», куда по совету товарища меня взяли... киноведом. Тут следует заметить, что выпускники Харьковского авиационного института вообще талантами не обделены: руководители финансово-промышленных групп и директора заводов, владельцы корпораций и губернаторы, даже глава администрации президента – вот неполный перечень должностей, занимаемых моими однокашниками. Поэтому и я неожиданной работе совсем не удивился, напротив, был ей очень рад и с энтузиазмом погрузился в чарующий мир драм и комедий, детективов и триллеров, приключенческих и музыкальных картин.

В мои обязанности входил просмотр и подготовка к эфиру художественных фильмов и выпуск еженедельной передачи «Киноанонс». А еще время от времени я ездил за новым контентом в Москву, где познакомился с людьми, которые накладывали на голливудские фильмы голоса Михалёва и Гаврилова. Другие переводчики пользовались меньшей популярностью, но Михалёв – это песня! и слушать ее можно было, даже не глядя в экран.

За время работы киноведом и редактором кинопрограмм я познакомил харьковчан с настоящими шедеврами мирового кино. «Крестный отец» Копполы и «Таксист» Скорсезе, «Полет над гнездом кукушки» Формана и «Сияние» Кубрика, триллеры Хичкока и спагетти-вестерны Леоне, мюзиклы Боба Фосса и блокбастеры Спилберга – это лишь малая часть того, что удалось пустить в эфир, не говоря уже о «Хищниках», «Чужих» и прочих «Терминаторах». Народ был поистине счастлив! Город в девять вечера вымирал, уставившись в экраны телевизоров. Там шли фильмы, доступные раньше только партийным работникам на закрытых кинопоказах да обеспеченным владельцам импортных видеомагнитофонов. Я тоже был счастлив. Увлекательная работа, кроме духовного, приносила и материальное удовлетворение: помимо зарплаты я получал щедрый гонорар за аннотации к фильмам, которые писал для одной телевизионной газеты. Спустя несколько лет эта газета приобрела широкую популярность в СНГ, а ее хозяин стал медиа-магнатом.

Самым памятным для меня днем работы на телевидении стал понедельник, 19 августа 1991 года. Не успели отзвучать по всем двум каналам нашей необъятной родины финальные аккорды «Лебединого озера», как позвонили из областного КГБ и ненавязчиво посоветовали: «Вы, конечно, частная телекомпания, но учитывая непонятную ситуацию, сложившуюся в Москве, настоятельно рекомендуем вам временно, до выяснения обстоятельств, снять с эфира всю западную кинопродукцию». Делать нечего – сняли. И в понедельник и во вторник. Мне даже пришлось перешерстить всю фильмотеку, изъять из нее ленты «сомнительного» содержания и спрятать их подальше. А уже в среду, когда московский маятник из тьмы качнулся к свету, мы не стали дожидаться разрешения чекистов. Владлен, хозяин телекомпании и тоже, кстати, выпускник ХАИ, сказал, чтобы сегодня в эфир я дал «Охоту за "Красным Октябрем"» – назло ГКЧП. Более «антисоветского» фильма у нас просто не было. Вечером того же дня в честь победы над путчистами Влад устроил в ресторане праздничный ужин для своих, в числе которых был и я. А через три дня у нас была уже своя независимая Украина.

Спустя несколько лет при странных обстоятельствах Влад продал телекомпанию и переехал жить в Киев. Он и сейчас иногда появляется на телеэкране, но совсем в другом качестве, под другим именем и фамилией... Вот и я решил, что дальше буду вести рассказ как в приличном голливудском фильме, заметив сразу: *все описанные ниже события и персонажи являются вымышленными, а любые совпадения случайны.*

Дикая коммерция

Время работы в телекомпании даром для меня не прошло. Я завел массу интересных знакомств, постиг азы коммерции, тогда еще дикой, постсоветской, и впервые после школьных сочинений взялся за перо. Ну как взялся... Поначалу я действительно писал аннотации к фильмам от руки, но однажды редактор газеты намекнул, что их издание не бульварное, а очень даже приличное и разбираться с моими каракулями они уже устали, поэтому настоятельно рекомендуют мне обзавестись печатной машинкой. Деваться некуда, пришлось обзавестись, тем более что рекомендация подкреплялась приличным гонораром. Как сейчас помню: печатная машинка была электрической и весила полтонны... В следующий раз за перо я взялся четверть века спустя, и тогда уже пером была клавиатура компьютера.

Как сотрудник телекомпании я имел возможность в личных целях размещать в эфире бесплатные рекламные объявления. Самыми интересными для меня в коммерческом плане были объявления о купле-продаже валюты и видеотехники. Импортная аппаратура в то время продавалась только в комиссионках, а до открытия магазинов электроники оставалось еще несколько лет. Пришлось лично заполнять вакуум с помощью директ-маркетинга – прямых покупок и продаж интересующих меня активов. Купив, к примеру, за четыреста баксов у некоего гражданина новенький японский комплект – телевизор плюс видеомэгафон, продать его можно было по отдельности баксов за шестьсот. Естественно, не без помощи телевизионной рекламы – двигателя стихийной торговли. То же самое и с валютой, обменом которой банки тогда почти не занимались, вверив это хлопотное дело базарным менялам... или кидалам – кому как повезет. В этих условиях мое объявление вызывало определенное доверие у обывателей, считавших что «по телевизору врать не будут», и при существующей марже процентов в двадцать приносило неплохой доход.

А что касается банков, как национального, так и коммерческих – им было не до такой ерунды, как обмен валют. Умы банкиров были заняты глобальными вопросами: *национальных* – как побольше напечатать денег, а *коммерческих* – как эти деньги в виде кредитов раздать дочерним структурам или за мзду немалую прочим коммерсантам. В выигрыше были все: и банкиры с их откатами и бумажной прибылью и коммерсанты, взявшие кредит в национальной валюте. Кредит, эквивалентный сотне миллионов долларов, через год легко возвращался банку в объеме... двадцати миллионов, разумеется, в пересчете на доллар. Инфляция! Восемьдесят миллионов чистой прибыли это вам не двести баксов с комплекта телевизор плюс видеомэгафон. Такая вот была тогда коммерция. Правда, занимались ею не только коммерсанты, но и простой народ. Пытаясь выжить на месячную зарплату, эквивалентную пяти долларам, люди приторговывали на рынках всем, что можно было продать, и даже хлебом. После пяти вечера в магазинах не оставалось вообще ничего! Продукты в стране закончились, причем как-то все и сразу. Зато появились продуктовые карточки, по которым можно было позволить себе целых 50 граммов масла в месяц – не жизнь, а сказка! Развитой социализм на глазах превращался в военный коммунизм. Большевицкая спираль истории плотно сдавила людям горло.

Эх, была бы у меня мама секретарем обкома партии или папа главным государственным санитарным врачом, не занимался бы я всякой ерундой, а основал какой-нибудь «Рудольф-Инвест-Строй» – батистовые портянки сейчас носил бы, крем Марго кушал!.. Ну да ладно, какая-никакая жизнь и у меня удалась. В батистовых портянках, правда, пощеголять не пришлось, но 25-летние коньяки я иногда попивал. А по народному поверью, если пьешь коньяк старше девочек, с которыми развлекаешься – считай, что жизнь твоя удалась! Правда, я допускаю, что есть и другие критерии успеха...

Олег и Рыжий

С Олегом, начальником отдела охраны телекомпании, мы сошлись на почве любви к преферансу. В расписывании пули регулярно участвовал и его друг Рыжий, который еще студентом фарцевал у «Березки», а Олег его ловил, поскольку был ментом. Такая вот история зарождения крепкой мужской дружбы и живой пример срачивания власти с криминалом. Олег был видным мужчиной (сто двадцать килограмм живого веса), и бегать за юркими спекулянтами вроде Рыжего ему было не с руки – гораздо проще договориться и за доляшку закрывать на предприимчивого фарцовщика глаза. А еще он с легкой грустью вспоминал времена, когда патрулировал Центральный рынок, а начальник ему выговаривал:

– Ты чего это при исполнении ходишь по базару с такой огромной сумкой?

– Никакая это не сумка, а кошелек, – отвечивал Олег, который, в сущности, был человеком добрым и собирав дань с торговцев не деньгами, а натурой.

Забегая вперед скажу, что в конце девяностых Олег с семьей уехал на ПМЖ в Америку. Там он прикупил таксопарк из нескольких машин и в полном соответствии с законами марксизма принялся эксплуатировать индусов, нигеров и прочих латиносов. Еще до эмиграции он наезжал в Штаты, чтоб подготовить почву, и параллельно пытался подрабатывать там в трех местах. Скажете, не похоже на бывшего мента? И правда, не похоже. Однажды жена позвонила ему в рабочее время на квартиру и была немало удивлена, застав мужа дома:

– Ты что, не на работе? Что-то случилось?

– На первую работу я проспал, а на вторую... тут дождь был... в общем, не пошел.

Нашего мента никакая Америка не заставит трудиться!

При окончательном переезде на новую родину вышел такой еще казус. Олег оформил всей семье статус беженцев, а тут вдруг в загранпаспорте жены обнаружились отметки о посещении Сингапура, Таиланда, Эмиратов и других экзотических стран. Возник резонный вопрос: что ж это вы по дорогим курортам раньше бегали, а теперь претендуете на пособие по бедности для беженцев? Пришлось улаживать проблему. А что? Америка – страна богатая, обогреет и накормит еще одну семейку жертв коммунистических репрессий, время от времени падающих в сытые обмороки.

А что касается преферанса, играли мы тогда пять центов вист. Потягивали при этом Samus Napoleon и чувствовали себя чуть ли не олигархами. Пару ящиков этого коньяка перед самой ликвидацией «Березок» купил на оставшиеся чеки Рыжий – человек, для которого не существовало ни друзей, ни врагов, ни веры, ни убеждений. Единственным богом для него были деньги, которые являлись и единственным увлечением всей его жизни. Это был не человек, а кошелек! Так вот, во время игры с барского плеча Рыжего нам доставалась одна бутылочка Samus, правда, за наш же счет. Справедливости ради отмечу, что цена была божеской: сегодня тот же коньяк стоит гораздо дороже в пересчете на доллары. (С начала девяностых и по сей день все активы и обязательства я считаю исключительно в валюте, это позволяет сводить реальный баланс и не слишком возбуждаться от мысли, что стал вдруг «купонным» миллиардером.)

Помимо ловли мизеров и дегустации благородных напитков по ходу игры решались и некоторые коммерческие вопросы: приходили какие-то люди, приносили пачки денег и тут же уходили, дабы не осквернять наше высокое увлечение своей низменной личной наживой. Бывало, посещали нас и легендарные люди, о которых в начале девяностых знал весь город, но... иных уж нет, а те далече, другие же сегодня взлетели слишком высоко, чтоб здесь о них писать.

Сказочный армянский коньяк

Уход из телекомпании привнес в мою бурную и во многом спонтанную трудовую жизнь новые методы работы. Директ-маркетинг по-прежнему оставался на вооружении, но в отсутствие рекламы приходилось пользоваться старыми наработанными связями. А связи в среде коммерсантов у меня были неплохие.

Взять хотя бы Сагу – спекулянта со студенческих времен. Не знаю почему, ходила про него поговорка: «Сколько волка не корми, а яйца больше, чем у Саги не вырастут». В бане я с ним не был и его му... мужскую гордость не видел. А вот Рыжий, наверное, видел, он нам эту поговорку и поведал. У Саги я покупал радиотелефоны, телевизоры и даже баночное пиво, бывшее в то время товаром дорогим, импортным. Он тоже пользовался моими услугами. Как-то раз, решив прикупить баксов, взял меня в качестве эксперта и не прогадал: к продаже предлагались ксерокопии шести портретов Франклина. А однажды, зная мои вкусы, он подогнал по сходной цене ящик коллекционного армянского коньяка «Юбилейный», выдержанного десять лет. Сделка была проведена в лучших традициях цыганского народного кидалова. Для пробы Сага выдал мне одну настоящую бутылку, а затем, еще тепленькому, целый ящик шмурдяка, который я сдуру и купил. Ладно, денег не жалко, но встал вопрос: куда это добро девать? О возврате речь не шла, не позволял моральный кодекс строителя капитализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.